

С.З. Хугаев

Три этюда

В 2023 году литературная общественность отметила три памятные даты: 110 лет со дня рождения Грися Плиева, 100 лет со дня рождения Расула Гамзатова, 95 лет со дня рождения Михаила Булгака. Вниманию читателя предоставляются три небольших этюда народного писателя Осетии Сергея Хугаева, посвященных этим деятелям отечественной культуры.

МОЙ ГРИС

(К 110-летию со дня рождения Грися Плиева)

В советское время, как известно, в Осетии широко отмечались Пушкинские дни. Из Москвы обычно приезжала целая бригада писателей. Первая встреча с читателями и общественностью всегда проводилась в сквере, носящем имя поэта. Потом москвичи вместе с нашими литераторами ездили по районам республики. На одной из таких встреч (год не помню) в сквере выступил Грис. Он говорил о пушкинской поэзии, о том, что делает ее такой могучей, цитируя наизусть множество отрывков из его стихотворений и поэм. Он говорил очень красиво, на чистом, литературном русском языке, декламируя стихи, как настоящий артист. Гости из Москвы смотрели на него, слушали – и в их глазах читалось явное замешательство: как же они будут выступать после такого оратора и что еще скажут после такого знатока поэзии Пушкина? И откуда он взялся, черт его возьми, в этой провинции?..

Грис был артист. Актер. По образованию. Он был одним из тех, кто в 1935 году, после окончания Московского института театрального искусства, вернувшись в Осетию, открывал осетинский театр. Сначала он играл на сцене, потом заведовал литературным отделом театра. А потом ушел. Стал свободным художником...

В 1939 году Грису Плиеву и мэтру осетинской прозы Арсену Коцоеву были вручены государственные награды СССР – ордена «Знак Почета».

Потом была война, все тяготы которой перенес и Грис. Он демобилизовался в 1946 году в звании гвардии майора с тремя боевыми орденами на груди и рядом медалей. Правда, он их больше не надевал.

Потом был сборник военных стихов «Солдат» (1948), в которой показана война во всей ее жестокости и абсурдности. Но вместе с тем в этой лирике изображен советский солдат – во всей его красоте и славе. В ней встречаются такие яркие строки, каких не было в осетинской поэзии после Коста:

*Ныммæйдар хæцæн æмæ мигъы
Ныссабыр, рох инæнæу, раст,
Æрмæст ма сыгъд бæгасы хихыл
Фæцæуы тарст сынты цъæхахст.*

(«Хæцæны», 1942).

*Поле боя погрузилось во мрак,
И стало тихо, как в забытой могиле.
И только с обгорелой ветви дерева
Доносится крик испуганной совы.*

*(«На поле боя», 1942.
Подстрочный перевод).*

Потом была трагедия «Чермен», в которой создан образ легендарного борца против алдаров и угнетателей, воспетого в народных песнях, запечатленного

в легендах и сказаниях. «Чермен» долго не сходил со сцены осетинского театра. На спектакли ездили целыми селами, а позже читали на сельских сценах запомнившиеся монологи Чермена и его отца Бестола. Такого успеха не имела ни до, ни после ни одна постановка осетинского театра.

Потом была напряженная работа над переводами классиков мировой драматургии для осетинского театра – на гонорары в эти годы практически и жил Грис. Писал и свои пьесы. И боролся с болезнями – язва желудка, болезнь Паркинсона, глаукома: одна болезнь страшнее другой.

Как-то я осмелился спросить у него: зачем ему эти переводы, да и пьесы его собственные? – ему бы стихи писать. Помню, он мне чуть ли не со слезами в горле ответил: «Для стихов сила нужна, и большая сила; а у меня ее уже нет»...

Он очень любил нашу молодую литературу. Об этом хорошо говорят его письма, собранные и изданные Нафи Джусойты, его самым близким другом из всех

деятели литературы. Они любили петь вместе: так задушевно они пели осетинские героические песни!..

В письмах хорошо видно, как он радовался творческому росту Г. Бестауты, Х.-М. Дзуццати, М. Нарткоева и других наших товарищей. И здесь, на севере Осетии, он по мере возможностей общался с молодыми писателями, и мы с удовольствием проводили вечера в его гостеприимном доме...

У Гриса было особенное чувство юмора. Не особенное, а прямо экзотическое. Помню, как он однажды, вознеся молитву Всевышнему, выпил свой стакан и воскликнул с чувством огромного удовлетворения: «Не арака, а мед!.. И что вы думаете? – технологию ее приготовления Алан привез с собой из Йемена!» (Алан – сын Гриса, доктор философских наук, вернулся незадолго до того из длительной зарубежной командировки.) Все смеялись, а многие и верили. Хотя на самом деле это была самая обыкновенная осетинская арака, присланная кем-то из двух сестер, которые обе были замужем за Хугаевыми и жили в Ногире. Это даже не чувство юмора, это тоже... творчество. Я всегда замечал за Грисом такую странность: придумает что-нибудь, сам в это поверит, и рассказывает другим, как быть. Но, между прочим, это свойство многих выдающихся деятелей культуры и искусства.

А однажды обсуждали мы заявление одного поэта на правлении Союза. Он жил на втором этаже трехэтажного дома, в тесном старом квартале, и окна были расположены таким образом, что в квартиру почти не проникал свет. Члены правления ломали голову, чем помочь поэту. Вдруг встает Грис.

– Друзья мои, в старину горцы практиковали делать окна в потолок. Не воспользоваться ли нам опытом наших мудрых предков? Пробьем потолок, вставим окна – и солнца в квартире будет вдоволь. Только, знай, пиши!

Мы все посмотрели друг на друга с недоумением: шутит он, что ли?.. Но ведь это дело не шуточное! Нет, кажется, не шутит; кажется, он и в самом деле думает, что таким образом можно решить вопрос...

– Да ведь надо мной люди живут! – не выдержал податель заявления.

– Ах, это плохо, – расстроился Грис. – Тогда мы ничем не сможем тебе помочь.

Понять, шутит ли Грис, или говорит серьезно, всегда было очень непросто...

Недавно среди старых бумаг я обнаружил одну небольшую записку, написанную рукой Гриса, и я ей очень обрадовался, как привету от старого доброго друга. Дело было в 70-х годах прошлого столетия. Меня и Ахсара Чеджемова приняли в Союз Писателей СССР. Тогда по старой традиции новоиспеченные члены СП накрывали в ресторане стол. Видя, как мы хлопочем с официантами, Грис передал мне через кого-то такую записку: «Дорогой Сергей, надо было заказать нам по сто граммов, – и разошлись бы по домам с Богом. Для чего это разорение? Будь добр, сократи эти расходы. Грис»...

Когда в 1950 году я поступал в пединститут, на основном письменном экзамене я выбрал свободную

тему и написал сочинение «Образ защитника Родины в сборнике Г. Плиева «Солдат». Я знал наизусть много стихотворений из этой книги и, сидя за первым столом, свободно писал на свободную тему. Моя работа понравилась комиссии, и я был принят. С тех самых пор – и по сей день – я чувствую поддержку Гриса Плиева.

ДВА СЮЖЕТА С РАСУЛОМ (К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова)

Тот, кто способен понимать язык поэзии, никогда не насладится сполна стихом Расула. Читай и читай его стихотворения одно за другим и вкушай радость за радостью. За каждое его стихотворение у меня в сердце живет особая, отдельная благодарность поэту, и все же моих благодарностей на две больше, чем его стихотворений. И те два сюжета из реальной жизни, которые послужили им причиной, я тоже помню наизусть, как его лучшие стихи.

Это было давно, когда еще наш советский писательский союз с усердием делал свою работу во благо жизни на земле. Я был в Москве и прочитал в одной из столичных газет статью следующего содержания.

Делегация советских писателей совершала свой визит в Японию. Они ездили по разным префектурам, городам и селам и знакомили трудящийся японский народ с нашей советской литературой. В тот день они посетили городок, населенный по преимуществу простым рабочим людом. Во время встречи один простодушный человек задал Расулу вопрос:

– Судя по твоей внешности, ты не русский; скажи, откуда ты?

– Я аварец, – ответил Расул. – В Советском Союзе нашу страну называют «Дагестан», что означает «Страна гор».

Задавший вопрос рабочий посмотрел по сторонам, на сидевших рядом. Было очевидно, что ответ Расула его не удовлетворил.

Тогда Расул объяснил по-другому:

– Дагестан находится на Кавказе. Я – кавказец. Нет – опять пожали плечами японцы, вопросительно взглядывая друг на друга. «Я смешался

и обеспокоился. – вспоминал Расул. – Как же им толковать, откуда я родом? Я не мог оставить этого доброго человека без понятного ответа, тем более, что моего ответа ожидал весь зал. И тогда перед моими глазами встал спасительный образ».

– Я – земляк Коста Хетагурова.

И, едва Расул произнес это имя, зал взорвался аплодисментами, так, что окна зазвенели.

Эта история наполнила мое сердце невыразимой радостью, и я почувствовал, что Расул, а вместе с ним и весь Дагестан, стал мне ближе и роднее.

Вторая история произошла здесь, в Осетии, и я был ее непосредственным свидетелем. В тот памятный день в Осетии отмечали день Белых журавлей. В Дзуарикау съехались гости со всей страны, из Москвы, приехали писатели из соседних республик. Был, конечно, и Расул. А как же иначе.

После торжественной части у мемориального комплекса «Журавли» нас пригласили к столу – в ресторане на берегу Фиагдона был накрыт богатый стол. Некоторое время во главе стола сидел Ахсарбек Галазов, наш тогдашний президент, но, когда после нескольких первых тостов он должен был ехать, он передал полномочия «хистара» («старшего», «тамады». - **Ред.**) председателю Союза писателей Васо Малиеву.

Спустя еще некоторое время одна из женщин, член московской делегации, встала и вышла из зала. Этого никто не заметил, но, когда она вернулась, – она привлекла к себе внимание всех присутствующих. Наверное, выпитые ею тосты резко повернули ее сознание к демократическим принципам.

– Как же так?! Мы восседаем здесь за обильными столами, а они, бедняги, снаружи – кто стоит, кто прямо на земле сидит! Разве это справедливо? Разве не жалко их? Почему они не сидят вместе с нами? – они что, не люди?! Нам надо немедленно послать за ними и привести их сюда!

Вероятно, она увидела там местных работников и жителей окрестных сел, которые тоже по-своему проводили время.

Васо пытался, было, и так и эдак успокоить женщину, чтобы она не слишком разошлась, но она была непреклонна.

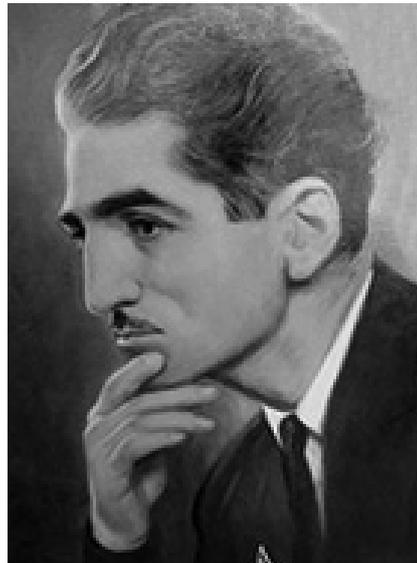
Тогда поднялся со своего места Расул:

– Дорогие друзья! Кто сидит с гостями, а кто нет, у нас решают хозяева. Гостя никто не спрашивает, с кем он хочет сидеть. И гость не должен вмешиваться в решение этого вопроса, даже если он приехал из Москвы. У нас такой человек считался бы невоспитанным и не знающим приличий.

Гости опустили головы. Разгорячившаяся москвичка застыла на месте, оторопело уронив руки и уставясь на Расула, и ее лицо было подобно бумажной маске.

И я еще раз сердечно благодарил Расула – особенно за то, что он говорил, как хозяин застолья, что здесь, на земле Осетии, он не считал себя гостем.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ (К 95-летию со дня рождения Михаила Булкаты)

Мокрые темные тучи нависали над самой землей, давили на плечи, и люди шли, согнувшись под их тяжестью. Было их не так много; их должно было быть больше, гораздо больше. Соседи, которые его не знали, но пришли, как полагается соседям... Писатели... Из начальства – никого. Родственники, знакомые... Да и те не все. Люди шли за гробом Михаила Булкаты, написавшего три великолепных романа, повести, рассказы, художественно-документальные очерки о выдающихся деятелях нашей культуры и искусства.

Накануне здесь вполголоса совещались: было бы справедливо, если бы ему нашлось место в городе, на Аллее славы. Отправили в мэрию ходатаев. Увы. Даже слушать не стали. Просто потому, что не знали его. Ни его, ни его книг. Михаил здесь никогда не жил, но ведь они не лучше знают и тех, кто всю жизнь здесь живет. Когда-то один наш большой начальник, желая выказать перед сослуживцами просвещенность, спросил одного из наших писателей:

– Ведь «Мах дуг» выходит на осетинском, не так ли? И спросил-то, кстати сказать, по-русски.

Так оно было прежде, так оно и теперь...

Михаил родился в Кахетии, в селении Чарекаул, закончил институт железнодорожного транспорта в Тбилиси, а работал в Самтредиа, в местном отделении Закавказской железной дороги. Он был доволен и своей работой, и своей жизнью. Его сослуживцы хорошо знали, что Михаил – не только инженер и начальник пассажирского отдела, но еще и писатель, и, когда он сидел в своем служебном кабинете, рядом с его дверью старались не шуметь и говорили почти шепотом. Это потому, что они высоко ценили его как человека и умели уважать его писательский труд. И Михаил отзывался об этих людях с восхищением и благодарностью.

Потом появился Гамсахурдиа. А с ним вылезла на свет божий и поеденная чуланной молью меньшевистско-националистическая идея: «Грузия – для грузин».

Снова зашевелились, забежали грузинские националисты, преследуя лучших из осетин, которые там жили и работали на более или менее видных местах. Тогда Михаил не нашел ничего лучше, как, махнув рукой, сесть на поезд «Москва – Баку» и перебраться в Осетию. Сам остановился у одних родственников, его супруга – у других, дочери, приехав позже, учились и жили в общежитии, а сын, Игорь, был уже в Москве. Некоторое время спустя Михаил вернулся в Самтредиа за своей желтой «девяткой». Которую, кстати сказать, здесь позже угнали. Привыкший к размеренной жизни и регулярному писательскому труду, Михаил скитался по чужим домам и нередко тяжело, со стоном вздыхал:

– Эхх, оказаться бы еще когда-нибудь за своим письменным столом, согнуться над ним и поработать от души!..

Дорога совсем размокла; земля приставала к ботинкам, и они с каждым шагом становились все тяжелее. Грис шел за теми, кто нес гроб. На его плечах лежала роса. Его трость то и дело застревала в земле, и казалось, что она только мешает ему идти.

Рядом с ним шли Камал, Ахсар, Васо, Шамиль. Шли и молчали, глядя в землю... Грис раньше всех нас узнал Михаила, да и Михаил давно узнал Грису – возможно, потому, что у обоих было особое дарование. Когда он еще работал в Самтредиа, он пригласил Грису к себе. Он очень хотел, чтобы тамошние его соплеменники, а также его друзья и сослуживцы узнали, какой большой поэт есть у осетин. Михаил сам приехал за Грисом, на той самой «девятке». С ними отправился и Камал, и, когда Михаил уставал, Камал садился за руль. Это талант Михаила заставил Грису пуститься в такое путешествие. Ничто другое не заставило бы его.

Книги Михаила Булкаты выходили в Южной Осетии. Сюда, на Север, они попадали кое-как, с оказиями; читали их немногие, слышали о них многие, а некоторые даже и не слышали. Его романы – два исторических и один «мифологический» – стали новым словом в осетинской литературе. У нас еще не было (да и теперь еще, пожалуй, нет) прочных традиций в этих жанрах, но это совсем не сказалось на произведениях Михаила.

У нас часто говорят: «написал», «показал». Но как написал и как показал – об этом у нас говорят редко. Так вот: в романах Михаила Булкаты восхищает и то, что написано, и то, как написано. В каждом из них заключен свой отдельный, самобытный мир, в котором есть множество дорог, по которым ходит множество путников, у каждого из которых – своя судьба. И в каждый из этих живописных миров хороший читатель входит как бы с невольной опаской и благоговением.

Идя за гробом Михаила, я мысленно перелистывал страницы его книг...

«Семеро судей сидели на Ныхасе, вокруг них толпился народ. Рядом с предателем не было стражников. Его волосы в беспорядке ниспадали на широкий лоб. Глубоко запавшие карие глаза были полны бесконечной тоски. Глава суда, старый Матарс, молча смотрел на изменника и думал о том, что скажет. (...)

Они пришли на место, опустили свою ношу на краю обрыва, и Саукудз позвал:

– Кафци!

– Чего ты хочешь, Саукудз? – спросил Кафци, низко склонившись к его лицу.

– Сделай для меня одно доброе дело!

– Я не могу дать тебе жить, Саукудз.

– Жизнь – слишком тяжкая ноша для изменника.

(...) Позволь мне встать, чтобы я мог стоя в последний раз взглянуть на башни Дур-чира. А потом делай, что должен». (Пер. И.С. Хугаева.)

Это строки из романа «Царство небесное предкам твоим», в которых изображен поспешный, несправедливый суд алан над одним из лучших своих сородичей.

А вот фрагмент из романа «С берегов Терека – в Турцию»:

«–Ууу-ууу-ууу! – все не смолкали волнообразные, полные горечи звуки. Наконец он понял, что это, и тогда сам едва не зарыдал. То был плач Нана, скорбное причитание Нана и земли brutской. (...) Этот плач был началом предстоящего им пути, началом их застрашной жизни, и он лишил его покоя. В то время как ему хотелось раствориться без остатка в этой последней brutской ночи...» (Пер. И.С. Хугаева.)

Так описывается последняя ночь на родной земле корнета Темирболата Мамсурова, который завтра отправится в Турцию, чтобы потом, спустя много лет, вернуться в Осетию его скорбные думы, воплощенные в первых в осетинской истории стихотворениях на осетинском языке, а их автор был по праву признан первым осетинским поэтом.

А вот «Седьмой поход Сослана Нарты»:

«Сейчас вернувшегося из дальнего похода Сослана родные места встречают таким мрачным молчанием, будто какая-то злая сила выветрила из них жизнь. Трава на лугах пожухла, листья на деревьях Аза издают неживой шелест, не слышно веселых голосов и смеха, родники и озера почти высохли, не видно ни души, солнце не ласкает загробный мир. Что же случилось? Куда исчезли люди? Почему нарушен древний адат? Другие Сослана не интересуют, но куда запропастились Урузмаг и Хамыц? Почему они не встречают собрата, вернувшегося из похода с победой? Он же не у свояков Бораты гостил, а ходил войной на далимонов и разбил их наголову! «Да, наверное, я спутал время, поэтому и молчат площади, улицы и танцевальные луга! Но почему пожелтела трава?.. Солнце-то встанет опять, и вечерние игрища тоже возобновятся, и все будет по-прежнему, но все же меня беспокоит хладнокровие баба и Хамыца! Почему они не вышли навстречу, я-то им не Сырдон, которого нарты тащали с собой в походы без коня, лишь для потехи! Может, им не по душе моя победа?» (Пер. И.М. Булкаты.)

Михаил Булкаты построил три высоких и прочных башни. Даже одной из них хватило бы для того, чтобы среди народа, для которого они воздвигнуты, его имя осталось в веках...

Небо становилось все мрачнее, тучи тяжелели.

По улицам, по которым сам Михаил не ходил никогда, мы шли за его гробом. Мы несли его на кладбище, на котором он сам никогда никого не похоронил.

*Перевод с осетинского
Ирлана Хугаева*